

Сказочные были старое в новом

А.В. Амфитеатров

Александр Валентинович Амфитеатров

Илья-Громовник (Старое в новом (1904))

Рассказы и статьи, собранные в книжке «Сказочные были», все уже были напечатаны в разных периодических изданиях последних пяти лет и воспроизводятся здесь без перемены или с самыми незначительными редакционными изменениями.

Относительно серии статей «Старое в новом», печатавшейся ранее в «С.-Петербургских ведомостях» (за исключением статьи «Вербы на Западе», помещённой в «Новом времени»), я должен предупредить, что очерки эти — компилятивного характера и представляют собою подготовительный материал к книге «Призраки язычества», о которой я упоминал в предисловии к своей «Святочной книжке» на 1902 год. Поэтому прошу видеть в них не более, как эклектическую попытку изложить в лёгкой форме некоторые старинные народные верования и, отчасти, известнейшие мифологические воззрения на них. Дальнейших претензий, в настоящем своём виде, статьи эти не имеют.

Из остального содержания книги, рассказы «Наполеондер» и «Сибирская легенда» были первоначально

напечатаны в «СПб. ведомостях», «Землетрясение» в «Историческом вестнике», «Морская сказка» и «История одного сумасшествия» в «России», «Не всякого жалей» в «Приазовском крае».

Илья-Громовник

Ветхозаветный библейский мир сравнительно слабо отражён сказочной фантазией христианских народов. Собственно говоря, это странно: казалось бы, времена чудес, какими полна каждая страница Пятикнижия, книги Иисуса Навина, книги Судей, Пророки, воинственный эпос книги Царств и Маккавейской, должны были глубоко запасть в душу дикаря-неофита когда он менял простодушную мистику своей первобытной, стихийной мифологии на возвышенную простоту религии Христа, за которую, как основной фон её, просвечивала религия Моисея и тысячелетняя таинственная история «избранного» народа, ею созданного, ею управляемого. Между тем, заглянув хотя бы в связанные с церковным календарём легенды, поверья и предания древней Руси, мы найдём, что грандиозные фигуры Моисея, Самуила, Давида, Исаии, Иеремии или не оставили в них вовсе следа, или — только мимолётный, гораздо бледнейший, чем даже второстепенные и третьестепенные деятели христианской эры. Как будто — новообращённым народам Ветхий Завет становился известен не сразу, но — ко-

гда они уже выходили из своего, так сказать, эпического детства, отказывались, — за отвычкую, — от потребности поставить на место старой своей, ныне запретной мифологии, новую, извлечённую из неправильного понимания книг Св. Писания и Предания. Книжники древней Руси знают Ветхий Завет в совершенстве, но книжники — не народ, а раскольничьи хитросплетения на ветхозаветные темы нельзя принимать за вышедшие из глубины народного мировоззрения: это — византийское, схоластическое веяние, достояние интеллигенции XVI и XVII веков, которое влияло на ограниченный кружок письменных людей, распространяясь в народе вряд ли больше, чем, например, современные религиозно-философские достояния интеллигенции, — спиритизм и теософизм, — откликаются в современном народе. Адам, Каин и Авель на луне, бряцающий на лире царь Давид, маг Соломон — вот едва ли и не все библейские образы, произведшие на народную фантазию столь сильное впечатление, что она отозвалась на них самостоятельным творчеством. Царя Давида мы видим главным

действующим лицом в апокрифе, ставшем народным в излюбленном духовном стихе древней Руси «О книге Голубиной»; имя и характер Самсона сохранились лишь, как намёк, в былинах о «старших» богатырях; Соломон зашёл в народ не столько из библии, сколько из восточных сказок, с характером царя-чародея из «Тысячи и одной ночи». Народ создавал десятки легенд о Козьме и Дамиане, Борисе и Глебе, Фроле и Лавре, о св. Сисинии, грозе лихорадок, о Параскеве-Пятнице, не говоря уже о святых любимцах его воображения — ап. Петре, Иоанне-Крестителе, Николае-Чудотворце, но в ветхозаветный пантеон он почти не заглядывает — мир ante Christum natum оставался в ведении книжечеев, начётников из «интеллигенции», едва ли не до последнего времени, т. е. до школьной грамотности. Обстоятельство это, быть может, — отчасти искусственного происхождения. Нам известно из истории первых веков христианства, что оно не сразу примирило учение Евангельское с наследием Моисея и пророков, что были секты, полагавшие Ветхий Завет совершенно упразднённым через Новый,

а иные из ересей гностических доходили в последовательном развитии этой идеи даже до той крайности, что вовсе отметали Ветхий Завет, как порождение обмана, в который ввёл человечество низший дух, властитель земли, — враг верховного Божества и «зона» Иисуса, ниспосланного, чтобы спасти обманутую духом-самозванцем землю. Так как слабое влияние ветхозаветной истории на народное творчество, отмеченное для русской легенды, почти таково же и на Западе, то, быть может, не будет неосторожным предположить, что первые миссионеры христианства у кельтов, германцев, славян, — памятуя недоразумения, какими неоднократно отзвучивалось столкновение грозных фактов библейской истории с краткою евангельскою моралью в умах робких, неопытных и ещё нетвёрдых в вере, — не слишком усердно настаивали на ближайшем знакомстве неопитов с Ветхим Заветом, довольствуясь краткими его обзорами — конспективного характера, вроде тех, что встречаем мы у апологетов II века или у Нестора. Известно, что католическая церковь объявила в средние века Библию

книгою, опасною для чтения частных лиц, и воспретила последним иметь её на дому, особенно, в переводе с латинского текста. Косвенное отражение того же взгляда находим мы в житии св. Никиты, епископа Новгородского (ум. 1108 г.), одного из первых затворников Киево-Печерской лавры. Когда он был в затворе, «бес, явившийся в виде ангела, дал ему совет оставить молитву и заниматься только книгами, а на себя принял молиться за него и молился в виду его. Скоро стал Никита прозорливым и учительным. Никто не мог сравниться с ним в знании книг Ветхого Завета; он знал их на память; но книг Нового Завета он чуждался. По этой последней странности поняли, что он обольщён. Игумен и подвижники печерские, помолясь о заблудшем брате, прогнали беса-прельстителя. Они вывели Никиту из затвора и спрашивали о Ветхом законе, желая что-нибудь услышать от него. Но он с клятвою уверял, что никогда не читал книг. Тот, который прежде знал наизусть все ветхозаветные книги, теперь не помнил ни слова, и отцы едва, научили его грамоте». Впрочем, незачем забираться в глубь веков.

Всего в первой половине нашего столетия, предприятие русского перевода библии было встречено большим недоброжелательством Фотиевой клики, послужило поводом к пыльным спорам чуть не об ереси и, во всяком случае, о неблагонадёжности религиозной, и испортило жизнь о. Павскому, перевод которого так и остался недоконченным. Когда Лесков, в одном из полуисторических рассказов-анекдотов своих влагает в уста известного ханжеством своим фельдмаршала Остен-Сакена совет: «Не читайте библии, — это мирская книга!» — он выражает лишь мнение, действительно, распространённое среди многих теологов: для всех-де — толкования библии, самая же библия — лишь для умеющих обращаться с нею богословов-специалистов.

Но один из самых величественных ветхозаветных образов, дойдя до сведения народного, поразил фантазию обращённого язычника слишком ярко, чтобы не запечатлеться в ней на века вечные, не сродниться с нею, не стать в ней на одно из первенствующих и властных мест — в непосредственной последовательности за самим Христом и Богороди-

цею, наряду с «Егорием Храбрым» и «Миколою Чудотворцем». Образ этот — св. Илиипророка. Величайший из ветхозаветных предтеч Христа, беседующий в буре, громах и в тихом ветре с Богом на Хориве, низводящий огонь небесный на жрецов Вааловых и воинов Ахава, питаемый врагами, возносящийся в небо на пламенной колеснице, запряжённой огнедышащими конями, пришёлся по душе славянину-полуязычнику; последний увидел в нём христианское переложение исконного, стихийного бога громов и молнии, культ которого — общее достояние всех арийских народов, параллельное с культом солнечных богов. Можно с большою достоверностью предположить, что громовые и молниеносные мифы, соединяемые в фантазии простолюдина с именем Ильи-пророка, — древнейшие в ряду многочисленных приспособлений христианства к остову древнеязыческих воззрений. Глубоко знаменателен тот факт, что Илья-пророк — первый из христианских святых становится покровителем крещаемых киевлян и ещё до Владимира имеет в Киеве храм, рассадник будущей религии. Громоно-

сец христианства борется с громоносцем-Перуном и побеждает его, как некогда побеждал Ваала.

Процесс замены бога-громовника Ильёю-пророком, как он свершался в славянских землях, легко проследить наглядно, если приглядеться к верованиям осетин (арийского племени, неизвестного происхождения, рассыпанного по ущельям между Владикавказом и Гудауром). Культурный уровень осетин вряд ли выше, чем предков наших в эпоху крещения Руси, а религия — странная смесь христианства, магометанских наслоений и первобытного язычества. В Осетии, как и в Чечне, мулла свободно кричит при колокольном звоне, языческий кумир покойно стоит в старой, оставленной церкви царицы Тамары. Как все первобытные религии востока, хотя и прошедшие чрез ревнивое горнило магометанства, верования осетин полны демоническим началом; по всем стихийным мифологиям можно проследить, что где — яд, там и противоядие, где демоны, там и враг их — могущественный бог-молниеносец. Но последнего нет уже на осетинском языческом олим-

пе: он всецело и нераздельно уступил своё место и свои обязанности Илье-пророку, ныне главному покровителю Осетии, а сам исчез во мраке неизвестности. Пророк, всю жизнь свою воевавший против идолослужения «на высотах», сам покори́л себе кавказские высоты. Впрочем, не только кавказские: имя св. Ильи носят теперь весьма многие горы, некогда посвящённые богам грома и молнии. Так, высочайшая вершина Эгины, где восседал когда-то обще-эллинский Зевс, в настоящее время также называется горою св. Илии. В пещерах и других местах, посвящённых горными осетинами Илье, приносят в жертву ему коз: мясо их съедают, а кожу развешивают на большое дерево, пред которым совершают «дубровные празднества». В Ильин день просят «пророка» спасти от града и ниспослать богатую жатву. Если кого поразит гром, то все близкие радуются в уверенности, что убитый взят на небо Ильёю, кричат от радости, поют и пляшут около тела. Со всех сторон сбегаются люди, приста́ют к пляшущим и поют: «О, Илья, Илья! житель горных вершин!» Повторяя мерно этот крик, они, построившись в

кружок, то приближаются, то отходят далее. Припев затягивает сначала запевала, а потом уже его повторяет толпа. По окончании грозы, передевают покойника в другое платье и, положив на подушку, оставляют на том же месте и в том же положении, в каком он был найден, а затем поют и пляшут до полуночи. Родственники убитого так же веселятся, как будто на празднестве: грустный вид почитается оскорбительным для Ильи и впоследствии достойным наказания. Этот праздник продолжается восемь дней, по истечении которых свершается с большою торжественностью погребение. Над могилою насыпают кучу камней и подле неё с одной стороны вешают на высоком месте чёрную козью кожу, а с другой — платье покойника. Путешествуя осенью 1888 года по Кавказу пешком, я неоднократно был свидетелем местного поклонения пророку Илье, сопровождаемого кровавыми жертвами. В Ильин день, в Анануре, говорят, вся церковная ограда бывает залита кровью ягнят, закалываемых во славу святого. После обедни, священник благословляет животных, приведённых на убой, и начинает-

ся бойня: часть битой скотины поступает в приношение священнику, а остальное мясо — на шашлыки, которые жарятся тут же на кострах. Это — самый весёлый день в горах. Костры пылают, вино льётся, и песни гремят до глубокой ночи. Обычай жертвенных общественных трапез на Ильин день держался, сравнительно в недавнее время, ещё кое-где и на Руси, — напр., как записал Сахаров, в селе Обыченском, Пермской губернии. Поселяне, на мирскую складчину, приводили с собою — кто быка, кто телёнка, убивали их и съедали всюю деревнею. В Тульской губернии на мирскую складчину, в старину, пекли новый хлеб и раздавали его нищей братии от всей деревни. Памятью о старинных жертвенных пиршествах в Ильин день сохранились на Руси поговорки: «на Илью — баранью голову на стол», «Илья — бараний рог», «на Илью — барашка в лоб» и т. п., инде, впрочем, применяемые и к Петрову дню. В северных губерниях (например, в Новгородской, где память общественных праздников ещё свежа) существует сказание, что к пиршеству этому, ежегодно, выбегал из лесу олень, который и был зака-

лываем для народного пира; в другом варианте, оленя заменяют две лани: одну из них убили, варили и съедали, а другая уходила. Но однажды какой-то неправедный «поп Ванька» «замолил» обеих, и с тех пор лани перестали появляться. Слово «замолить», в смысле убить живое существо, как эхо далёких жертвоприношений, до сих пор звучит в народном языке. Изучая пресловутое мултанское дело, постоянно встречаешься с ним: «вотяки замолили человека» и т. п. Мотив легенды о чудотворном послании оленя на потребу верующим звучит в известном сказании из жития св. Макария Желтоводского. Когда Улу-Махмет отпустил Макария из полона, он с братией направился в Галич, лесами и болотами. Дело было в Петровки. Путники поймали лося, но Макарий убедил их сохранить пост и отпустить зверя на свободу до Петрова дня, обещая, что в этот праздник лось сам явится к ним на закланье. Лосю надрезали ухо и пустили его в лес. В Петров день, когда настала пора путникам разговеться, меченный лось, действительно, пришёл и был «благопотреблён».

Грозная миссия бога-громовника уничтожить демонов всецело передана осетинами св. Илье. В ту же путину свою по Кавказу, я записал любопытное осетинское сказание, где горец, в ссоре с шайтаном, отдаёт себя под покровительство св. Илье, и шайтан стал бессильным над своим врагом, кроме шапки его, о которой осетин забыл помолиться: шайтан сдул вихрем шапку с головы осетина; жадный горец бросился догонять её, да так и до сих пор носится с горы на гору, из ущелья в ущелье, в упрямой, но бесплодной погоне; шапка всё катится от него, толкаемая вечным, неутомимым вихрем. Это — горная версия «Моряка-скитальца». (См. мой сборник «Сон и явь», рассказ «Блуждающий осетин»). В осетинской колыбельной песне, записанной мною на ночёвке под Казбеком, мать молит, чтобы Илья и падучая звезда спасли дитя её от нечистой силы. По объяснению моих спутников, падучая звезда, подобно молнии, — оружие, коим Бог и Илья-пророк уничтожают демонские полчища. (См. мой сборник «Грёзы и тени», рассказ «Ариман»). Галицийская легенда о происхождении мира, отмеченная резко дуа-

листическим характером, говорит, что, когда чѣрт услышал, как ангелы славили Бога в песнях, он захотел тоже иметь подчинѣнных духов; для этого он омыл своё лицо и руки водою, брызнул ею назад от себя — и сотворил столько чертей, что ангелам не доставало уже места на небесах. Бог приказал Илье-Громовнику напустить на них гром и молнию. Илья гремел и стрелял молниями, лил дождѣм сорок дней и ночей: вместе с великим дождѣм попадали с неба и все черти; ещё до сего дня многие из них блуждают по поднебесью светлыми огоньками (т. е. падучими звѣздами) и только теперь достигают до земли. Таким образом, падучая звезда — эта молния ночи — принимается то за орудие, то, наоборот, за самую злую силу, убегающую от стрел громовника. В Малороссии думают, что не хорошо смотреть на «маньяка» — название падающей звезды, — и что куда он сверкнѣт, — верный знак, что там девица лишилась невинности: поверье, сближающее «маньяка» со сказочными огненными змеями что летают к царевнам, одиноким жѣнам-молодицам и красным девицам. Что огненный змей — вопло-

щение молнии, дело ясное не только по тысячам характерных сближений (напр. у Афанасьева), но и по здравому смыслу по, так сказать, непосредственной наглядности в метафоре. Тамбовцы верят, что во время грозы летают огненные змеи-дьяволы, и стараются укрыться от метких стрел Бога или пророка Илии; если стрела настигнет змея близ стога, дома, церкви или дерева они загораются от брызг змеиной крови. Даже мусульмане, — при всей боязни ислама перед какими-либо воплощениями стихийных сил, из опасения идолопоклоннических соблазнов, — имеют предание, что, отчасти однозвучный с Илиею, исторически известный Али, двоюродный брат Магомета, восседает на облаках, и что гром есть его голос, а молния — бич, которым он наказывает злых. Пока народное изображение считает гром явлением отдельным от молнии, оно видит в последней гонимого громом змея-демона; когда научается сливать и гром, и молнию в одно явление, — принимает их за орудие преследования, а демона-змея предполагает или незримым для глаза человеческого, или укрывающимся под видом

оборотней, Преследуемые стрелами Ильи-пророка, нечистые духи перекидываются змеями и другими гадами земными, говорит великорусская легенда. При неурожаях, болгары думают, что злые духи женского пола, змеевидные ламии, пожирают хлеб, и если бы не побивал их Илья-пророк, то земля вовсе бы оскудела. Переходя от метафоры к действительности, народ перенёс миссию гонителя змеев небесных на землю — к змеям, зверям и гадам обыкновенным. В Ильин день крестьяне опасаются выгонять не пастбище скотину, так как в этот праздник «Илья отдыхает»; пользуясь его бездействием, нечистые духи, вселясь в зверей и гадов, мстят людям за обычное своё бессилие; выходят из своих нор и бродят по лесам и лугам, терзая и жала домашний скот, пока наглостью своею не выведут Илью из терпения и не заставят взяться за гром, единственно страшную им угрозу. Боязнь дьявольского оборотничества настолько велика, что многие в этот день не решаются держать в избе даже собак и кошек: неравно и в них укроется нечистая сила и навлечёт на дом стрелу грозного Ильи! Левитов поэтиче-

ски передаёт рассказ, как во время грозы прасол подобрал барашка, взял его в телегу, спрятал под армяк, молнии, точно живые, стали виться около телеги, а барашек всё теснее жмётся-жмётся к своему избавителю и, наконец, в тоскливом страхе, вдруг говорит человеческим голосом: «Дяденька, а, дяденька! пусти-ка меня к себе в рот!». Прасол, в ужасе, толкнул барашка с телеги, и в ту же минуту его расшибло громом в кучу золы. Знахари, по преданиям русского чернокнижия, собирают на Ильин день змей, чтобы топить из них сало на чудодейственные волшебные свечи. Другое обычное воплощение демона-оборотня на земле — волк. Замечательно, что Ильепроороку приписывается так же, как и Егорию Храброму, роль «волчьего пастыря». Он выгоняет зверя из логовищ; крестьяне уверены, что волки выходят из своих нор после покосов; а до тех пор будто, никто не может открыть «волчьих выходов». Старинные охотники выезжали в Ильин день в поле травить волков. У них была примета: если они затравят тогда зверя, то весь год будут удачливы.

В самых православных поучениях церков-

ных иногда попадаются образы, относящиеся к Илье-пророку понятие огненосца более материальное, чем то приличествует христианству святому. Народ же, как известно, крепко стоит ещё и в наши дни на том, что «Илья-пророк разъезжает по небу на огненной колеснице», «Илья грозы держит», «Илья словом дождь держит и низводит», «Вознесенье с дождём, Илья с грозой», «На Ильин день где-нибудь от грозы загорается», «Ильинская пятница без дождя — пожаров много» и т. д. Один из моих друзей уверял меня, что видел, если не ошибаюсь, в Ростове, — к сожалению, разговор был давно, и я не поручусь за точность места, — образ Ильи-пророка, на огненной колеснице, в пламенных ризах, с ярко красными волосами и бородою и с молотом в руках. Если это — правда, то мы имеем разительнейший пример перелива языческого образа в христианский: все перечисленные принадлежности — неперемненные атрибуты бога-громовника славяно-германской мифологии, включительно до молота Mjölhnir'a скандинавского Тора рыжебородого. В одном из вариантов вышеприведённой галицийской легенды

Бог, чтобы избавиться от бесчисленно расплодившихся чертей, берёт в руки молот и, ударяя по камню, высекает из него, в виде искр, тьмы того небесного воинства, которое поражает нечистых. В осетинском предании падающая звезда и крест имеют одинаковое название. Илья-пророк бросает в шайтана пламенными крестами и опалает его. Но ещё вопрос, всегда ли крест, побеждающий демона, обозначает в мифологии народный крест христианский, а не первобытный громовой молот, которого форма в каменном веке, когда слагались стихийные культы и мифы, была крестобразная: увесистый булыжник, обтёсанный к одной стороне тоньше, к другой, к обуху, толще и продырявленный по середине, чтобы можно было глубоко насадить его на круглое древко. Громовник финнов Укко машет огненным молотом, знаменитый Mjölmir Тора имеет чудесное свойство — поразив жертву, вновь возвратиться в руки бога, его метнувшего; ту же способность приписывают, в некоторых местностях Германии и славянского Запада, молнии — «круглым пулям из огненного камня», которыми, в летних грозах,

охотятся за нечистою силою Господь Бог, ангелы, пророк Илья или ап. Пётр, являющийся в мифологическом творчестве, весьма часто, также с атрибутами громодержца.

Трудно в статье мифологического содержания упомянуть слово «охота» без того, чтобы не вспомнить о «дикой охоте» — этом дивном образе ночной грозы, созданном фантазией средневекового германца, зачавшею его в гуле и мраке вековых дубовых лесов. Представления грозы, как охоты, сопровождаемой быстрым, неудержным движением, сохраняет и образ Ильи-пророка, мечущего стрелы или пули в демонов, одетых в личины, волков, гадов или росомах, носясь на грохочущей колеснице. Воинственные грозы эти, как замечал народ, имели, однако, дважды благотворную силу: уничтожая зло, они сеяли благо; гоня демона засухи огненными стрелами, они, в то же время, низводили на землю влагу небесного океана и оплодотворили почву. Полный мифологический образ этого представления мы находим, весьма цельно и сжато высказанным, в одном из заговоров старинного русского волхвования. «На мо-

ре — на окияне, на острове на Буяне гонит Илья-пророк в колеснице гром с великим дождём». Кто держит в руках своих гром и бурю, тот, вместе с тем, является и властелином-распорядителем плодородия. «Пророк Илья лето кончает, жито зажинает», «первый сноп на Ильин день», «Илья-пророк копны считает», говорят великорусские приметы, с которыми согласуется и ласкательное наименование праздника 20-го июля — «Илья — наделаша», т. е. наделяющий хлебом. Жатвенная страда вся стоит под покровительством св. Ильи, заменяющего в данном случае того таинственного житного деда, кому славяно-германские земледельцы посвящали последний дожиночный сноп, что сохранилось и сейчас в бессознательно-языческом обряде дожинок, знакомом даже тем, кто отродясь не бывал в деревне — хотя бы по опере «Евгений Онегин». Искони считается недоброю приметою, снимая для себя плоды земные, — хлеб с поля, яблоки из сада, зерно с гумна, — обратить их наголо, до последнего. Чтобы и на следующий год урожай был не хуже, находят полезным суеверно оставлять на полосе

несколько не сжатых колосьев, в саду несколько не сорванных яблок и т. п. Этот обычай — не что иное, как утратившее смысл культурное переживание старинной жертвы житному духу, приносимой ему от его же даров, чтобы и он мог сделать запас корма себе на зимовку. Обычай известен и в великорусских губерниях, причём оставить такой жертвенный клочок жнивья, на языке народном, определяется характерным термином «завязать Илье бороду». Духи житные и духи грозы — во всех мифологиях, родные братья, — вернее, даже, две стороны одной и той же медали, два видоизменения одного и того же мифа. Страшный молниеносец-громовник — он же и кроткий оплодотворитель. Народ верит, что под Новый год Илья-пророк незримо ходит по земле с «пугой житяною»: где пугой махнёт, там жито растёт. То же самое приписывается ап. Петру, чьё мифологическое значение близко к пророку Илье: «Пётр с колоском, а Илья с колобком». Оба они держат ключи от неба, — не в духовном, переносном смысле, как принимает религия христианская, но в прямом, стихийном. Сербские и

болгарские духовные стихи, изображая св. Илью гневным на людские прегрешения, влагают в уста его такие слова, обращённые к «Огняной Марии», т. е. к Божией Матери, воображаемой божеством — молнией, и к самому Христу-Спасителю: «Дай мне ключи от неба, я запру туманы и облака; пусть три года не падает дождь, три года не греет солнце, три года не дует ветер, три года не родятся ни вино, ни жито!»

Как образ грозный, карающий и в то же время властный над плодородием, Илья-пророк в иных легендах является в споре с кротким, мягким, справедливым патроном крестьянина-земледельца, св. Николаем-Чудотворцем. Популярнейшая — как поссорились между собою поп и мужик, и первый избрал своим покровителем Илью, а второй Николу. Поп намолил у Ильи на мужика всяких бед, но Никола, своевременными советами, успевал всё зло переменить в пользу своего модельца: например, поп вымолил, чтобы Илья выколотил мужикову ниву градом; Никола является мужику и советует как можно скорее продать ниву попу же, тот покупает с ра-

достью, соображая, что, раз нива стала его, ей больше не грозит опасность, но, так как он не успел предупредить Илью о происшедшей перемене, то град истребляет хлеб на купленной полосе. Это — старинный спор сурового грома с ласковым солнцем в доисторической стихийной мифологии. Чеченцы — полуязычники, полумусульмане — рассказывают его в такой форме. У одной вдовы был маленький сын. Однажды он говорит матери: «Мама! я пойду к Богу и попрошу у Него чего-нибудь, мы бедны и у нас много недостаёт». — «Сын мой, — говорит мать, — ты такой оборванный; приближённые Бога не допустят тебя до Него». Сын снова говорит: «Нет, мама, я надеюсь добраться до Бога, — пойду попытаю счастья». Но ангелы и приближённые, увидев оборванную одежду мальчика, не допустили его к Богу. Мальчик печальный возвращался домой. По дороге встретился он с сыном Бога, — Елтою. — «Куда ты идёшь? — спрашивает Елта, — и отчего так печален?» — Мальчик рассказал Елте о своей неудачной попытке проникнуть в жилище Бога. — «Отец мой управляет целым миром!» — воскликнул Ел-

та, — «неужели я не могу управлять одним мальчиком? Я беру тебя под своё покровительство: проси у меня, чего ты хочешь». Мальчик отвечал: «Я хочу посеять пшеницу и прошу урожая». — «Пусть будет урожай на твоей пашне. Иди и сей», — сказал Елта и пошёл дальше. Мальчик с матерью посеяли пшеницу. К великой радости, у них был такой хороший урожай, какого не было ни у кого из соседей: на одном стебле выросло по два колоса. Когда хлеба стали созревать, Бог послал своих ангелов посмотреть урожай. Ангелы, осмотрев все пашни, донесли Богу, что на пашне мальчика, которого они не допустили к Нему, урожай лучше, чем у всех остальных людей. Услышав ответ ангелов, Бог воскликнул: «Как мог явиться у мальчика урожай без моего повеления! Наведите на его пашню гром и грозу, пусть они погубят хлеб его!» Ангелы передали приказание Бога матери грома и грозы, чтобы она послала своих детей для истребления пашни мальчика. Когда Елта узнал о приказании отца, то послал сказать мальчику, чтобы он с матерью поспешили убрать хлеб свой.

Они дружно принялись за работу и, когда убирали уже последний сноп, пошёл сильный дождь с грозой и градом и истребил все хлеба на соседних полях. Бог посылает своих ангелов осмотреть хлеба. Когда возвратившиеся ангелы донесли Ему, что у всех жителей хлеба истреблены, а у мальчика целы, Бог сильно разгневался за невыполнение Его воли и приказал позвать мать ветров. Когда она явилась, Бог сказал ей: «Подними бурю и разнеси хлеб мальчика!» Елта же послал сказать мальчику, чтобы тот перенёс весь свой хлеб на гумно и прикрыл его хорошенько. Лишь только мальчик с матерью окончили укладку хлеба, поднялась страшная буря и стала разносить клочками по воздуху весь хлеб соседей, а хлеб мальчика, прикрытый камнями, остался цел. Ангелы, посланные Богом, чтобы узнать о действии бури, в третий раз донесли Ему, что буря разнесла и погубила все хлеба у жителей, а хлеб мальчика остался невредим. Тогда Бог велел, чтобы у всех жителей с каждого тока получалось только по одной мерке хлеба. Елта, узнав об этом, предупредил мальчика, чтобы он обмолочивал свой хлеб не сра-

зу, а по одному снопу. Мальчик поступил по указанию Елты и от каждого снопа получил по мерке пшеницы, между тем, как у соседей почти ничего не было. У мальчика уродилось столько хлеба, что он раздал очень много своим соседям, наиболее пострадавшим от неурожая. Когда Бог узнал, что и четвёртое Его приказание не достигло своей цели, то страшно прогневался и приказал позвать к себе Елту и мальчика. Когда они явились, Бог грозно обратился к мальчику: «почему у тебя вышел хороший хлеб, в то время, как у остальных жителей плохой, и кто помогал тебе в этом?» — Мальчик подробно рассказал об всем. — «Как ты смел идти против моих желаний?» — грозно обратился Бог к Елте. — «Тебе следовало бы за твоё ослушание выколочь глаз!» При этих словах Бог так сильно ткнул пальцем в глаз Елты, что он выскочил вон, и с тех пор Елта остался одноглазым. Любопытно, что, в противоположность первенствующему по имени, но менее могущественному фактически богу грома, солнечное божество и у кавказских инородцев, как в скандинавской мифологии, является одноглазым.

Низводитель на землю небесных потоков чувствуется, как целебная сила, в самой влаге, видимо им низвергаемой: Ильинским дождём умываются, окачиваются от призора и болезней. Но чувствуют его и у земных источников — в особенности же у тех «источников на высотах», против обоготворения которых так энергично боролся Илья-пророк при жизни своей. О горных и вообще не в болотистой, а в каменистой почве бьющих источниках существует в народе убеждение, что они явились из недр земных, выбитые ударом молнии. Вероятно, каждый из читателей, — если детство его протекало в уездной или деревенской глуши, — припомнит в своей местности какой-нибудь «гремячий», «громовой», «святой» ключ или колодезь, а то и прямо «Ильинский», «Ильин», «Ильину Криницу» и т. п. В степной Екатеринославской губернии одно село имело обыкновение справлять на Илью крёстный ход к местному колодцу, сопровождая его языческими суевериями. Вновь назначенный в село священник воспротивился стародавнему обычаю. Случилось так, что в наступивший затем Ильин день

гроза залила ливнем в степном овраге стадо овец, принадлежавшее священнику, а, верстах в пяти от села, молния, обрушив глыбу земли с обрыва, действительно, открыла выход подземному ключу. Источник этот — «Ильина Криница» слывёт в народе богоданным, а священнику пришлось перевестись в другой уезд, — так обострилась нелюбовь к нему населения. О мытищенских ключах, снабжающих водою Москву, тоже рассказывают, будто они потекли от громового удара. Огненные стрелы, копыта коней в колеснице Ильи-пророка или богатырского коня Ильи-Муромца, одноимённого ветхозаветному святому и тоже признаваемого святым, — обычные, по воззрению народному, создатели гремячих источников. Миф древний, как мир: достаточно вспомнить Кастальский ключ, брызнувший из-под копыт Пегаса, когда помчал он в высь небес Беллерофонта, этого типичнейшего из громовников эллинизма. Ещё большим почётом пользуются те из громовых источников, которые текут из-под корней какого-нибудь дерева, напр., матёрого дуба. Быть может, Афанасьев прав, когда видит в

народном почитании такого соединения живой влаги с пышною древесною растительностью отголосок старинных доисторических представлений о «мировом дереве», — напр., о скандинавском ясене Игдразиле, с источником Норн, — перешедших, видоизменённо, и в христианские апокрифы. В одной рукописи XVI века читаем: «А посреди рая древо животное, еже есть божество, и приближается верх того древа до небес... А от корня его текут млеком и мёдом двенадцать источников». Ильин дуб, Петров дуб — частые названия в русском народе замечательных по величине и древности экземпляров этого дерева, во всех племенах и во все века язычества, посвящённого богу грома. Когда Илью-Муромца иные мифологи, как Афанасьев и Орест Миллер, стараются представить воплощением громовника во всей последовательности его подвигов, это, конечно, — преувеличение учёной фантазии, готовой, в интересах своей теории, на какие угодно натяжки; но метание богатырём этим стрел калёных в дубы, обитаемые демоническими существами, вроде Соловья-Разбойника, — несомненно, черта громовническая,

сильно напоминающая стрелы, рассыпаемые тѣзкою богатыря св. Ильёю-пророком по нечистой силе, бегущей от него в леса и дубри. Что касается Петровых дубов, то их, обыкновенно, связывают с именем Петра Великого: «вот-де этот дуб старинный, его сам царь Пётр посадил», хотя весьма часто попадают они в местностях, где Пётр никогда не бывал, и почти всегда подобный дуб оказывается в действительности старше Петра I на многие века. Дело в том, что историческая память Петра Великого вытеснила из фантазии народной первоначальное посвящение дубравных великанов ап. Петру, «небесному ключарю», разделившему с Ильёю-пророком в христианстве языческое наследие громового культа. К таким дубам посылают знахари болящих зубами — грызть кору и дресву святого дерева. При многих монастырях русских можно видеть дубы, искусанные и даже обглоданные паломниками; в родстве с этим обычай грызть дубовые колоды, служившие гробами св. угодникам, напр., в Сергиевой Троицкой лавре, а также знахарский совет — коли зубы болят, выкури из дубовой трубки

пригоршню дубового моха, и всё пройдёт, только во рту горько дня на три будет. Характерно, что зубную боль народ поставил под прямое покровительство св. Пантелеймона — целителя вообще, но зубных страданий по преимуществу: св. Пантелеймон, по южному произношению, Палей или Палий также из святых громовников. Сербы думают, что Илья заведует громом, Огняна Мария — молниями, а св. Пантелеймон — бурями. Дни, посвящённые этим святым, все приходятся на числа между 20 и 28 числами июля.

Великорусский крестьянин кончает Ильиным днём лето и зачинает осень. «На Илью до обеда лето, после обеда осень», говорит пословица. С этого праздника заборонивают пар и перестают купаться, считая, что вода холодеет. «С Ильина дня работнику две угоды: ночь длинна, да вода холодна». Связь охлаждения земных вод с ильинскою грозой и дождями выражается весьма наивным представлением, уже одною первобытностью своею, ясно указывающею на древнее стихийное верование, предполагавшее дождь мочою громовника. Охлаждение воды таким способом припи-

сывается или самому Илье, или оленю, еленю, — по созвучию с Ильёю, — или же, наконец, медведю, что опять уносит наше воображение в тёмные области стихийной доисторической веры, ибо медведь был «Перуновым зверем» и одним из любимых воплощений громовника. Может быть, не лишнее вспомнить тут и тех оленей, что посылал Илья-пророк из лесов мирянам для заклания на его жертвенных пиршествах.

Стихийная теория имеет пред всеми другими в мифологии преимущество эластичности: при некотором усилии, под её положения можно подогнать решительно какой угодно факт бытовой и исторической жизни. Брался же кто-то доказать, что Наполеон — не действительный герой нашего века, но солнечное божество, окружённое 12 маршалами, т. е. двенадцатью месяцами. Поэтому, ничуть не стоя за гипотезу, о которой сейчас будет речь, я считаю долгом лишь упомянуть о ней. Одна из частных метафор дождя в древних мифологиях — амрита индусов и нектар эллинов, вино и мёд — скандинавов, германцев и славян. Нет ничего невероятного, если и, в

качестве своём покровителя медового и воскового промысла, Илья-пророк является преемником древних громовников. Но я лично больше склонен думать, что поговорки народные — вроде «богат, как ильинский сот», равно как приметы, учащие на Ильин день подрезывать соты, подчищать ульи, перегонять пчёл, вызваны просто тем обстоятельством, что в эту пору соты окончательно поспевают, добыча («взятка») пчелы начинает уმაляться, — «ильинский рой не в корысть!» говорит пословица пчелинцев, — а первый осенний праздник, да ещё как мы видели, справляемый всем обществом, давал предлог обработать новые меды. Такие же хозяйственные, ничего общего не имеющие с небесными медами, пословицы — «до Ильина дня сено сметать — пуд мёду в него накласть», «до Ильина дня в сене пуд мёду, а после Ильина — пуд навозу» и т. п. Резкий поворот лета на осень, приуроченный к празднику, отмечен в народном календаре множеством подробностей. С Ильина дня «и камень прозябает» — по первым утренникам; «до Ильина дня тучи по ветру идут, а после Ильина против ветру»; «до

Ильи поп дождя не умолит, — после Ильи баба фартуком нагонит»; «до Ильина дня и под кустом сушит, после Ильина дня и на кусте не сохнет» и т. д. Ясно по здравому смыслу, что изречения эти — плоды отнюдь не суеверия, но просто естественного наблюдения за годовым кругом. Лишь одна из примет, говорящая о нагоне дождя бабьим фартуком, содержит намёк на колдовской способ «накликать дождь», махая одеждою, упоминаемый не только во многих дедовских процессах, но и в рассказе князя Андрея Михайловича Курбского о взятия Казани. Но шутливый тон приметы указывает, что она создалась в весьма позднее время, когда в колдовство уже перестали верить, дерзали над ним трунить и подсмеиваться, как над бессильною небывальщиной. Ворование стихийной религии, христианское суеверие и культурное переживание, бессознательное и незамечаемое, или же исполняемое с окраскою насмешливого скептицизма, — таковы три исторически последовательных фазиса в жизни каждого мифического образа и представления. Пережив их все три, поверье исчезает, и память о нём сти-

рается с лица земного. Ильинские поверья — ещё в третьем фазисе: над ними иной раз тру- нят, но с ними считаются.